

Зотов Рафаил Михайлович

**Тридцатилетие Европы в
царствование императора
Николая**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Р26

Р26 **Рафаил Михайлович З.**
Тридцатилетие Европы в царствование императора Николая / Зотов Рафаил Михайлович –
М.: Книга по Требованию, 2023. – 353 с.

ISBN 978-5-519-86413-8

ISBN 978-5-519-86413-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ТРИДЦАТИЛѢТІЕ ЕВРОПЫ

ВЪ ЦАРСТВОВАНІЕ

ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ І.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Могъ ли я думать , незначущій историкъ славнаго царствованія Императора Александра Благословеннаго, что судьба приведетъ меня описать столь же знаменитый періодъ *тридцатилѣтія* Европы въ царствованіе Императора Николая I-го? Слишкомъ полѣвка русской исторіи въ двухъ царствованіяхъ! Какой исполнскій періодъ въ міровой жизни нашего народа! Описаніе его конечно достойно искуснѣйшаго пера,—и будущіе русскіе Тациты и Карамзины обезсмертятъ свое имя вѣрнымъ изображеніемъ этихъ двухъ великихъ царей.

Еще въ исторіи двадцатипятилѣтія говорилъ я, что *настоящая исторія* Императора Александра I-го была тогда невозможна, потому что современники слишкомъ его любили, а подданные обожали, чтобъ историкъ могъ со-

хранить все безпристрастіе, требуемое критикою науки и величіемъ самаго предмета. Но прошло тридцать лѣтъ съ кончины его; блескъ великихъ дѣлъ, озарившій эту вѣщносную главу, отдалпся отъ современныхъ взоровъ. Великое имя его сдѣлалось уже достояніемъ исторіи, а ни одна черта, ни одно дѣло, ни одно слово Александра I не потеряли своего величія, и всякая восторженность, въ какой бы могли тогда упрекать насъ, оказывается теперь строгою, безпристрастною истиною.

Не толи же самое будетъ съ исторіею *тридцатилѣтія*? Лучшимъ панегирикомъ великихъ людей не служить ли ихъ исторія? Да и нужны ли похвалы русскимъ вѣщносцамъ! Европа, завидующая намъ, враждующая на насъ за наше политическое и нравственное могущество, не понимаетъ и не можетъ понять источниковъ и стихій величія Россіи, мѣряя своимъ масштабомъ нашъ народъ и нашихъ царей. Она забываетъ всегда главное, а именно, что нашъ Государь вмѣстѣ съ тѣмъ и *Отецъ* 60-ти милліоннаго семейства. Видя безпредѣльную преданность, любовь и довѣренность народа къ своимъ вѣщносцамъ, Европа не постигаетъ этихъ чувствъ, даже не вѣрить имъ, тогда какъ эти чувства такъ просты и естественны для Россіи, потому что она составляетъ со своимъ царемъ не только одно политическое тѣло, но и одну родную семью.

Два минувшія царствованія имѣютъ великое значеніе въ русской и всемірной исторіи. Оба періода знамениты, и оба вѣнценосные брата славны и безсмертны, хотя характеръ событій и самихъ Августѣйшихъ лицъ во многомъ различенъ.

Александръ очаровывалъ всѣхъ увлекательностію своихъ рѣчей, кротостію взгляда, ангельскою добротою сердца. Только съ этими качествами могъ онъ' сдѣлаться Агамемнономъ Европы, царемъ царей всеобщей коалиціи, душею Священнаго, имъ созданнаго, Союза.

Черты Императора Николая I-го олицетворяли царское величіе. Онъ во всемъ и для всѣхъ могъ служить первообразомъ *исполненія дома*. Во вѣшней политикѣ былъ онъ всегда *рыцарь безъ страха и упрека*. Прямотушіе его воплю въ дипломатическую пословицу; слово его было неизмѣнно. Во внутреннихъ дѣлахъ онъ былъ, какъ истинный отецъ семейства, благъ къ добрымъ, строгъ къ злымъ, правосуденъ ко всѣмъ; онъ хотѣлъ, чтобъ всѣ исполняли свой долгъ, — и это было всегда главною его цѣлію.

Александръ возвелъ Русь побѣдами на первую степень политическаго могущества. Николай I-й принялъ на себя высокую обязанность поддержать и сохранить это могущество, и послѣднее едвали было не труднѣе. Александръ съ благочестивымъ прямотушіемъ приписалъ всѣ свои

торжества Богу, сказавъ: «*не намъ, не намъ, а имени Твоему!*» Николай I-й употребилъ всю силу могучей своей воли, чтобъ величіе Россіи было его дѣломъ.

Александръ, подобно Екатеринѣ II и Петру I-му, искалъ въ остальной Европѣ стихій для образованія своего народа и развитія благосостоянія его. Николай I-й хотѣлъ, чтобъ народъ его былъ *Русскій*, и съ разборчивостью принимая нововведенія западной цивилизаціи, болѣе всего старался о нравственномъ очищеніи и возвышеніи русскаго характера. *Православіе, долгъ, порядокъ* — были главною цѣлю всехъ его дѣйствій.

Исторія рѣшить, до какой степени успѣлъ онъ въ великихъ своихъ начинаніяхъ. Но и безъ всехъ великихъ дѣлъ, обезсмертившихъ его царствованіе, онъ сталъ бы на ряду первыхъ владыкъ всемірной исторіи, какъ *законодатель*. Сводъ Законовъ будетъ неизблемымъ памятникомъ его славы.

Гдѣ дѣло идетъ объ истинѣ и о исторіи, тамъ народное самолюбіе должно молчать. Мы все очень хорошо знаемъ, что печальный періодъ владычества Монголовъ и трудная эпоха самозванцевъ растлили древнюю добродѣтель Славянъ. Примѣры баскаковъ, продававшихъ отъ имени своихъ хановъ правосудіе и милости, пустили глубокіе корни въ общественную жизнь русскихъ. Только современъ Петра I-го можно считать, что азіатское тунеядство и

лихоимство начали исправляться подь строгимъ надзоромъ преобразователя Россіи. Но послѣдующія царствованія не могли поддерживать и исполнять плановъ Петра во всей ихъ силѣ; только послѣднее пятидесятилѣтіе, сильною рукою русскихъ царей, взялось за очищеніе этихъ наслѣдственно — монгольскихъ плевель. Наиболее стязалъ въ этомъ славы Императоръ Николай I-й. Благородная дума Его всегда сильно негодовала, узнавая о случающихся еще примѣрахъ лихоимства и взяточничества; неутомимо преслѣдовалъ онъ эту язву, унижающую человѣчество, и уже этотъ одинъ трудъ долженъ обезсмертить его имя.

Неожиданна была кончина Великаго; многія изъ намѣреній его неуспѣли, можетъ быть, совершиться: но providѣніе таинственно ведетъ все человѣчество къ заветной и неизвѣстной намъ цѣли. Оно передало ее въ руки Императора Александра II-го, — и начатое *должно* совершиться *любовью*.

Историкъ двухъ царствованій, я и въ тридцатилѣтій хочу сохранить тотъ же планъ и систему изложеній, хотя послѣднее по неволѣ будетъ подробнѣе. Одни факты, — и больше ничего. Въ царствованіе Александра — вся исторія Европы до 1815 года состояла изъ Наполеона, и борьбы съ нимъ всей Европы. Періодъ тридцатилѣтій Николая I-го, напротивъ того, объемлетъ всѣ народы Европы, живущія уже отдѣльною, самобытною жизнью.

Это по необходимости расширить раму сочиненія.

Конечно всякій историкъ не что иное, какъ компиляторъ, собирающій извѣстные факты, но этотъ, повидимому, неблагодарный трудъ великъ и лестенъ, потому что служить современнымъ отголоскомъ для потомковъ. Богъ вѣсть, лучше ли, вѣрнѣе ли они будутъ цѣнить эти событія; по крайней мѣрѣ они увидятъ искреннія ощущенія народовъ въ описываемую эпоху.

Иногда требуютъ отъ современнаго историка, чтобъ онъ лично зналъ тѣхъ особъ, которыхъ описываетъ. Это невозможное требованіе; довольно и того, если есть отдаленные источники, изъ которыхъ можно съ достовѣрностію почерпнуть черты о личномъ характерѣ нѣкоторыхъ лицъ. Когда я писалъ исторію *двадцатипятилѣтія*, то 'незначущій, раненый воинъ 1812 года, могъ ли имѣть доступъ до высшей сферы? Однако же, проведя болѣе трехъ лѣтъ при графѣ М. А. Милорадовичѣ, до бѣдственнаго 14-го декабря, я могъ многое отъ него почерпнуть въ разговорахъ его со мною и съ другими лицами.

Что же касается до высокой особы Императора Николая I, я горжусь счастіемъ, что не разъ удостоился говорить съ нимъ, и проведя 25 лѣтъ на службѣ министерства двора, имѣлъ случай узнать много подробностей о домашней жизни Августѣйшаго героя тридцатилѣтія. Придастъ ли это до-

стоинство моему разсказу, это другой вопросъ. Покрайней мѣрѣ , стоя у гроба, могу увѣрить читателей , что руководствовался однимъ искреннимъ чувствомъ. Для исторіи и для высокаго предмета—больше и не нужно.

Р. Зотовъ.

